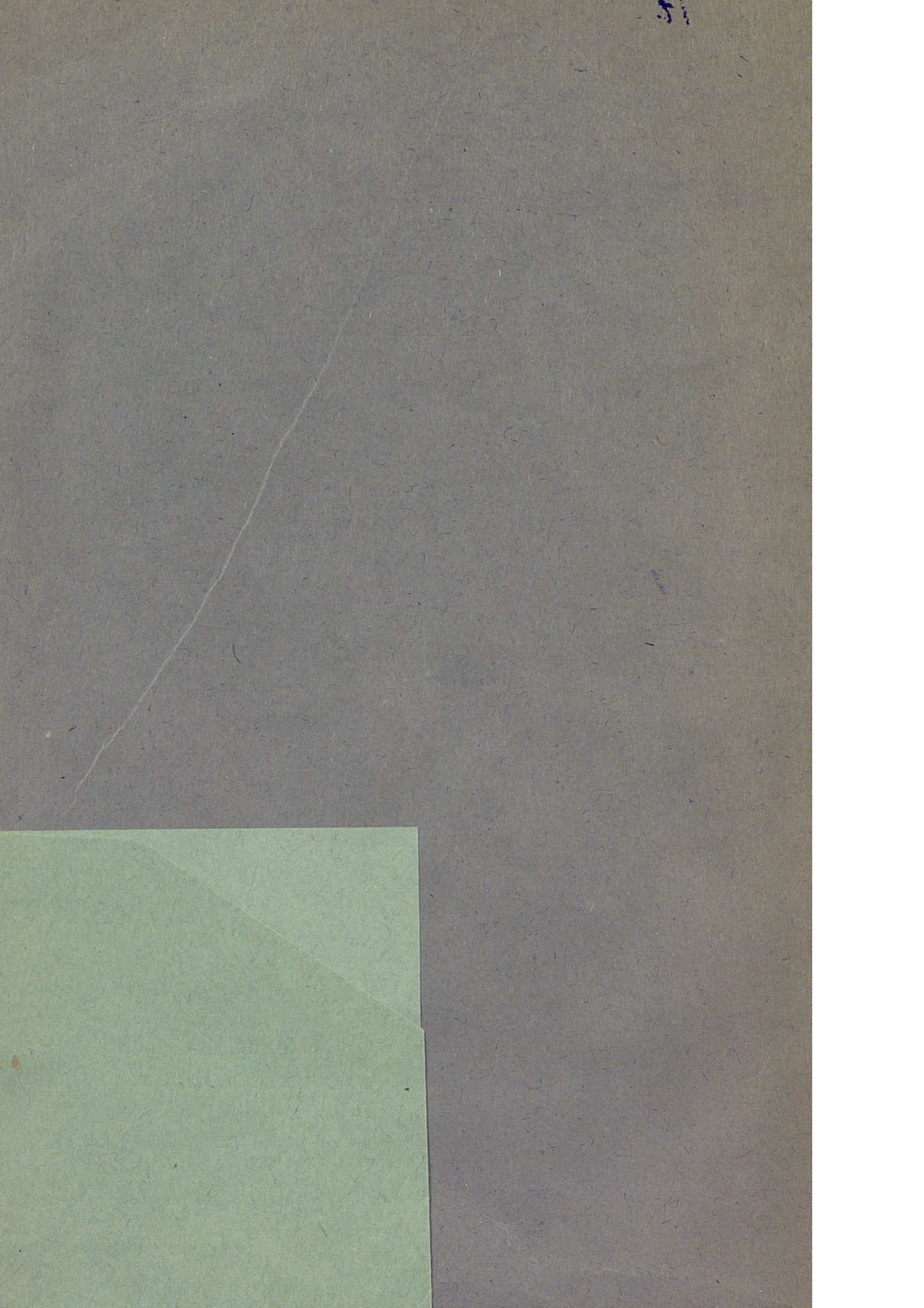

З. 87.
III. 62.
II. 6.
№ 487.

Оттиск из "Трудов Манчжурского общества изучения
Сидури", т. 2, в. 1, Манчжур, 1915.

Самоѣдскій эпосъ.

К а й Д о н н е р ь.

(Выдержка изъ „Journal de la Société Finno-Ougrienne“).

Переводъ съ англійскаго В. М. Крутовскаго*).

Кастрень утверждаетъ, что „южные самоѣды, а тѣмъ болѣе сѣверные, любятъ пѣніе, сказки и легенды“, „но надо имѣть ввиду, что въ большинствѣ случаевъ эти сказки не оригинальны, а являются позаимствованіями. По крайней мѣрѣ въ Томской губерніи я не нашелъ ни одной, которая была бы мѣстнаго происхожденія“**).

Впродолженіе перваго періода моего пребыванія среди остяковъ-самоѣдовъ на Оби и ея притокахъ—Тымѣ и Васьюганѣ, я пришелъ къ тому же заключенію; я записалъ большое число героическихъ поэмъ и сагъ, но онѣ все оказались заимствованными у татаръ, какъ и самое слово герой—мадуръ (*madur*), которое въ нихъ встрѣчается. Впослѣдствіи я нашелъ среди нихъ большое количество сагъ, очевидно христіанскаго происхожденія. Случайно попадаютъ пѣсни, которыя можно было бы назвать мѣстными, но эти лишены всякаго значенія, такъ какъ составляются и поются, исключительно, подъ вліяніемъ опьяненія и содержатъ лишь выраженія вродѣ слѣдующихъ: „я благодарю тебя, мой благородный братъ, ты далъ мнѣ водки, ты напоилъ меня пьянымъ; я преклоняюсь передъ тобою до земли, я благодарю тебя, цѣлую тебя—я ничтожество“ и т. д. Пѣсни шамановъ, дѣйствительно,

*) При передачѣ въ русской транскрипціи собственныхъ именъ героевъ поэмы приходилось пользоваться исключительно указаніями Г. Н. Потавина; въ виду же того, что фонетика самоѣдскаго языка недостаточно знакома Г. Н. и совершенно неизвѣстна переводчику, возможны значительныя неточности. Подобныя же неточности, къ сожалѣнію, оказались неустранимыми и при печатаніи приводимыхъ авторомъ подлинныхъ выраженій самоѣдскаго текста, такъ какъ типографія Сиб. Т-ва Печ. Дѣла не имѣетъ спеціального шрифта; насколько удачна та комбинація буквъ польскаго, греческаго и латинскаго алфавитовъ, которой, по возможности, слѣдовали мы,—пусть судить самъ читатель.

Переводчикъ.

***) Nordische Reisen und Forschungen, II, 184.

являются по большей части ихъ собственными произведеніями, но онѣ относятся скорѣе въ религиозному культу и не подлежатъ здѣсь нашему обсужденію.

Болѣе глубокое изученіе этихъ самоѣдовъ, однако, дало результаты, совершенно опровергающіе взгляды Кастрена на ихъ народную поэзію. Во время моего пребыванія на рѣкѣ Тымъ я имѣлъ возможность записать нѣсколько сагъ, которыя по особенностямъ ихъ содержанія значительно отклонялись отъ такъ называемыхъ героическихъ пѣсенъ, и у меня явилось предположеніе, что между ними существуетъ взаимная близость происхожденія, благодаря герою, который появляется во всѣхъ нихъ.

Главное дѣйствующее лицо всегда носитъ имя *Id'e*, а его противникомъ часто является великанъ-людоѣдъ, по имени *Pinegeze*.

Во время моего путешествія по рѣкѣ Кэти осенью 1912 года я нашелъ полное подтвержденіе моихъ догадокъ. Чѣмъ выше вверхъ по рѣкѣ мнѣ приходилось путешествовать и чѣмъ глубже я проникалъ въ тундру, тѣмъ многочисленнѣе оказывались эти саги и тѣмъ ближе становилась ихъ связь между собою.

Шестьсотъ верстъ вверхъ отъ устья этой рѣки, въ самоѣдскомъ поселкѣ Меташкина, я въ первый разъ услышалъ отъ сына прославленнаго шамана въ полномъ видѣ эту великую эпическую самоѣдскую поэму. Однако, онъ не могъ сообщить ее дословно, такъ какъ, хотя извѣстное число эпизодовъ онъ могъ воспроизвести слово въ слово, другія части поэмы онъ рассказывалъ лишь по памяти. Во всякомъ случаѣ у меня получилась схема поэмы и въ послѣдствіи оказалось значительно болѣе легкимъ включить въ нее какъ отдѣльные эпизоды, съ которыми я познакомился ранѣе, такъ и тѣ, которые мнѣ привелось услышать позднѣе. Въ послѣдствіи, когда я перешелъ границу этой области и путешествовалъ по Енисейской губерніи среди такъ называемыхъ *Natsko-Pumrokol* самоѣдовъ, я сдѣлалъ еще болѣе, цѣнную находку. Ибо здѣсь, въ обѣтованной странѣ шаманизма, эпическія пѣсни и саги все еще существуютъ въ изобиліи. Можно было бы область верхней Кэти назвать Кореліей самоѣдовъ (вѣдь извѣстно, что въ Корелии былъ найденъ самый богатый матеріалъ для Калевалы, нашей національной финской поэмы). Быть можетъ, это сравненіе и не вполне точно, но съ его помощью я, быть можетъ, смогу дать представленіе о томъ, насколько богата въ

данномъ отношеніи эта область для тѣхъ, кто занимается изученіемъ самоѣдскаго фольклора. Если принять во вниманіе, что Кастрень путешествовалъ исключительно по Оби и такимъ образомъ приходилъ въ соприкосновеніе лишь съ самоѣдами, уже подпавшими до извѣстной степени подъ вліяніе русской культуры, причѣмъ онъ работалъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, преодолевая серьезное нездоровье, то легко себѣ представить, почему онъ пришелъ къ упомянутому выводу.

Что эта большая эпическая поэма несомнѣнно является одной изъ самыхъ первобытныхъ и характеристичныхъ у самоѣдовъ, — станетъ очевиднымъ изъ схематическаго изложенія, которое я приведу дальше. Что этотъ эпосъ древняго происхожденія, — подтверждается и тѣмъ фактомъ, что остяцко-самоѣдскія племена, посѣщенные мною, начиная отъ обитающихъ неподалеку отъ Томска вплоть до Тазовой губы на Сѣв. Ледов. океанѣ, знаютъ дѣйствующихъ лицъ, которыя въ немъ являются, какъ по ихъ именамъ, а такъ и по наиболѣе характернымъ эпизодамъ. Нѣкоторыя части несомнѣнно позаимствованы, или болѣе поздняго происхожденія, но о какомъ эпосѣ нельзя было бы сказать того же? Во всякомъ случаѣ это не уменьшаетъ его интереса и значенія.

Такъ какъ въ мою цѣль входитъ только дать краткое содержаніе этого цикла легендъ, открытыхъ мною, то мнѣ кажется лучше всего, въ интересахъ ясности изложенія, кратко передать его содержаніе въ томъ видѣ, какъ я самъ съ нимъ познакомился въ самой полной и связной формѣ въ области верхней Кэти. А затѣмъ я сдѣлаю нѣсколько необходимыхъ замѣчаній.

Первая сага повѣствуетъ о героѣ Итьте (*It't'e*), живущемъ на рѣкѣ Кэти вмѣстѣ со своими родителями. Вскорѣ, однако, миръ въ тундрѣ былъ нарушенъ прибытіемъ съ сѣвера страшнаго, дотолѣ неизвѣстнаго, великана-людоеда *Pünegusse*. Великанъ убиваетъ и съѣдаетъ родителей Итьте; самъ же Итьте спасенъ былъ отъ этой участи старушкой, которая вначалѣ укрываетъ его, а затѣмъ уводитъ далеко-далеко, въ долину отдаленнаго притока Кэти. Здѣсь проходитъ его дѣтство и юность въ охотѣ и рыбной ловлѣ и онъ мужаетъ и крѣпнетъ умомъ. Уже и въ этотъ періодъ жизни съ нимъ происходитъ цѣлый рядъ приключеній, которыя готовятъ его къ великимъ подвигамъ, выпадающимъ на его долю впоследствии.

Такъ, однажды, во время путешествія въ лодкѣ, онъ встрѣчается съ семью сыновьями лѣснаго духа (*massul-lō zi*), которые ловили рыбу изъ своихъ лодокъ. Въ своей юношеской самонадѣянности, онъ гребетъ мимо ихъ съ такой силой, что ихъ лодки заливаются водою, а они сами попадаютъ въ рѣку и съ трудомъ выплываютъ къ берегу, герой же возвращается домой очень довольный. За исключеніемъ небольшихъ экскурсій по сосѣдству, Итьте никогда не предпринималъ во время своей юности никакихъ путешествій въ болѣе отдаленныя страны.

Старая женщина постоянно предупреждаетъ его далеко не отлучаться, чтобы не подвергнуться опасности. Но чѣмъ болѣе она его предупреждаетъ, тѣмъ сильнѣе растетъ въ немъ страсть къ открытію невѣдомыхъ странъ. Однажды утромъ, когда старуха крѣпко спала, онъ, взявъ свою сѣть съ собою въ лодку, поплылъ къ озеру, на которомъ никогда не бывалъ ранѣе. Все здѣсь оказалось необычнымъ; вода увлекала его лодку такъ стремительно, что не надо было грести, и едва онъ успѣлъ забросить сѣть въ воду, какъ она оказалась наполненной большими карпами. Онъ возвращается домой въ восторгѣ со своей добычей, но старуха бранитъ его. Несмотря на это, онъ снова отправляется на озеро и встрѣчаетъ тамъ стараго слѣпого человѣка, сидящаго въ лодкѣ и удящаго рыбу. Старику удалось поймать крупную рыбу, которую Итьте перехватываетъ, какъ онъ думаетъ, тайкомъ отъ старика, но, вернувшись домой, ему вскорѣ приходится раскаяться въ своемъ поступкѣ. Итьте слышитъ, какъ кто-то вдали бьетъ въ бубенъ и призываетъ духовъ на помощь. Это былъ старый слѣпой человѣкъ, великій могущественный шаманъ, какъ ему объяснила старуха. Итьте слышитъ, что шаманъ приказываетъ духамъ привести къ нему своего обидчика для того, чтобы его проглотить*). Поэтому Итьте заползаетъ въ свою юрту вмѣстѣ со старухой и со своей вѣрной собакой и привязываетъ себя на крѣпко къ стѣнѣ, для того, чтобы духи не могли его утащить прочь. На всякій случай онъ кладетъ въ карманъ ножъ и точильный брусокъ. Едва только онъ успѣлъ окончить свои приготовления, какъ являются духи. Не будучи въ состояніи оторвать его отъ стѣны, они уносятъ по воздуху всю юрту къ слѣпому старику. Шаманъ съ пренебреженіемъ проглатываетъ Итьте, стару-

*) На рѣкахъ Тымъ и Чафъ, гдѣ эта исторія также извѣстна, рассказываютъ, что зготъ старикъ и есть тотъ самый Пюнегуссе, съ которымъ Итьте такимъ образомъ встрѣчается въ первый разъ.

ху и находившуюся съ ними въ юртѣ собаку, а затѣмъ, удовлетворенный, засыпаетъ. Вскорѣ однако онъ просыпается отъ странныхъ звуковъ, исходящихъ изъ его желудка, такъ какъ Итьте вынувъ изъ кармана брусокъ и ножъ, принялся точить послѣдній. Вскорѣ шаманъ чувствуетъ боль въ своемъ огромномъ животѣ: это Итьте прорѣзываетъ въ немъ отверстіе для выхода. Старый шаманъ начинаетъ догадываться о томъ, что происходитъ, но слишкомъ поздно. Итьте вылѣзаетъ, убиваетъ людоѣда и освобождаетъ старуху съ собакой. Вымывши самого себя и другихъ, онъ съ гордостью возвращается домой. Благодаря хитрости и искусству, онъ въ первый разъ спасаетъ себя и свой народъ отъ великой опасности *).

Послѣ этого и другихъ подобныхъ приключеній Итьте жаждетъ отправиться дальше на болѣе значительныя и болѣе опасныя испытанія, чтобы провѣрить свою силу. Поэтому онъ предпринимаетъ долгія путешествія, и наконецъ, приходитъ къ большому озеру (морю). Здѣсь живетъ огромная птица называемая *Püne*. Она была въ состояніи схватить и проглотить самыя большіе предметы, она пожирала деревья и скалы, людей и животныхъ—всѣхъ и все. Но еще далѣе по срединѣ великаго озера жило еще болѣе могущественное и сильное чудовище *tari amdi kuəl'*, *pēkk'ri amdi kuəl'* (рыба съ волосатымъ рогомъ, рыба съ пятнистымъ рогомъ), которая была такъ огромна, что могла поднять самое землю. Пюне однажды отправилась на охоту за этой рыбой, напала на нее, вцѣпившись когтями въ ея спину, но, конечно, не была въ состояніи подняться на воздухъ со своею добычею. Рыба нырнула подъ воду и птица не могла сразу освободиться; когда послѣ большихъ усилій ей это удалось, Пюне потеряла свои могущественныя когти, оставшіеся въ спинѣ рыбы. Прошло три года, и вотъ Итьте повстрѣчался съ нею голодной и слабой на берегу моря. Птица попросила Итьте о помощи, она слышала о его силѣ и хитрости. Итьте согласился помочь ей, но потребовалъ, чтобы птица доставила его къ гигантской рыбѣ. Итьте сѣлъ на спину птицы и перелетѣлъ черезъ озеро (море). Однако, во время путешествія птица трижды роняла Итьте въ всду и поднимала его снова въ самую послѣднюю

*) Это единственный эпизодъ, которые былъ записанъ и опубликованъ. Н. П. Григоровскій въ своей книгѣ «Азбука сюссогой гулани» (Казань, 1879 г., стр. 30—33) напечаталъ его подъ названіемъ „Итя“ посамодски и порусски въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его слышалъ на Чаѣ.

минуту кончикомъ своихъ крыльевъ. Все это было сдѣлано для того, чтобы испытать его мужество. Наконецъ птица спустилась съ нимъ на берегъ большого озера (моря), гдѣ жила гигантская рыба. Итьте сидѣлъ, обдумывая, что бы ему предпринять. И вотъ онъ придумалъ слѣдующій планъ. Онъ сдѣлалъ музыкальный инструментъ съ семью струнами и заигралъ на немъ. Его игра была такъ прекрасна, что всѣ живыя созданія понимали ее и различныя животныя собирались кругомъ послушать его: всѣ лѣсные звѣри, рыбы живущія въ водѣ, всѣ птицы летающія въ воздухѣ, всѣ онѣ слушали музыку Итьте. Наконецъ и гигантская рыба также приплыла, очарованная его игрою, а Итьте, не прекращая игры, зашелъ ей на спину, рыба же поплыла въ открытое море. Во время этого путешествія рыба рассказала ему о своей болѣзни. Когти Пюне все еще крѣпко сидѣли въ ея спинѣ, которая начинала оттого гнить. Если, говорила она Итьте, онъ могъ бы спасти ее, вытащивъ когти, рыба дала бы ему, какъ вознагражденіе, въ жены дочь рыбы съ волосатымъ рогомъ. Итьте вынулъ свой ножъ и принялся вырѣзывать когти Пюне изъ спины рыбы. Гной вышелъ изъ ранъ въ такомъ количествѣ, что покрылъ всю поверхность моря. Итьте вытащилъ когти и сохранилъ ихъ. Рыба же, вѣрная своему обѣщанію, приглашаетъ его войти въ свое, рыбье, ухо, что онъ и дѣлаетъ. Тамъ внутри была какъ бы большая комната; въ ней онъ находитъ дѣвушку, которую беретъ съ собою и возвращается съ нею къ Пюне. Чтобы отплатить птицѣ за свое невольное троекратное купанье въ морѣ, онъ трижды прикрѣпляетъ когти птицы такъ слабо, что когда Пюне пытается схватить ими различныя предметы, они не держатъ добычу. Только въ четвертый разъ онъ привязываетъ когти, какъ слѣдуетъ. Послѣ этихъ приключеній и испытаній Итьте возвращается домой со своей молодой женой.

Прежде чѣмъ герой этой саги предпринялъ свою великую борьбу противъ врага людей Пюнегуссе, у него было много приключеній различнаго рода, такъ какъ онъ постоянно отправлялся въ свѣтъ, чтобы видѣть и знать все больше и больше. Однажды, рассказываютъ, онъ попалъ въ лѣсъ, въ которомъ жилъ *massu-tozi* (лѣсной духъ). Итьте вошелъ въ его жилище и былъ немедленно узнанъ сыновьями лѣсного духа, который, однако, ничего не сказалъ объ этомъ. Напротивъ, онъ пригласилъ Итьте самымъ дружескимъ образомъ отужинать съ ними и уго-

щаль его самымъ радушнымъ образомъ ѣдой и питьемъ. Въ это время семь его сыновей собрались всѣ вмѣстѣ и, когда насытились, самый младшій изъ нихъ разсказалъ о томъ, какъ съ ними поступилъ однажды Итьте на рѣкѣ. Слѣдующій сынъ также разсказалъ эту исторію, а затѣмъ и остальные повторили ее каждый въ свою очередь. Но Итьте сидѣлъ спокойно въ домикѣ и дѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ. Внезапно всѣ они набросились на него и принялись его бить, спрашивая его все время, почему онъ такъ скверно поступилъ съ ними на рѣкѣ. Итьте былъ силенъ и крѣпокъ, но противъ семерыхъ сыновей лѣснаго духа ничего не могъ подѣлать. Они связали его и продолжали бить. Итьте умолялъ отпустить его, но тѣ держали его крѣпко. Наконепъ одинъ изъ братьевъ разсказалъ, что *mādurla* (герои, всины) отобрали у нихъ ихъ сестеръ и они не знаютъ, какъ бы вернуть ихъ обратно. Если Итьте отправится съ ними и ему удастся привезти назадъ ихъ сестеръ, они согласны даровать ему жизнь. Итьте, обсудивъ и обдумавъ, въ концѣ концовъ согласился, такъ какъ смерть угрожала ему въ обоихъ случаяхъ.

Прежде чѣмъ онъ отправился, сыновья лѣснаго духа надавали ему наилучшіе совѣты. Тогда отправившись въ дорогу, онъ путешествовалъ далеко-далеко и, наконецъ пришелъ къ одному изъ богатырей (*madur*). Этотъ обѣщалъ ему вернуть дѣвушку, которой онъ завладѣлъ, если Итьте сумѣетъ получить прежде остальныхъ дочерей лѣснаго духа. Итьте продолжалъ свой путь черезъ необъятныя тундры и переплылъ черезъ огромный океанъ, прежде чѣмъ онъ достигъ жилища второго *madur'*а. Этотъ богатырь поставилъ ему тѣ же условія, что и первый, и Итьте вновь отправился въ дальнѣйшій путь, съ значительно облегченнымъ сердцемъ. Послѣ различныхъ приключеній Итьте приходитъ къ третьему и послѣднему изъ богатырей и, съ помощью присущей ему хитрости, ему удается похитить третью дочь лѣснаго духа. Похитивъ и двухъ остальныхъ, онъ возвращается къ лѣсному духу, который охотно отдаетъ ему въ жены всѣхъ трехъ.

Безъ сомнѣнія, самую странную частью этой саги является ея конецъ. Въ немъ разсказывается, что послѣ того какъ Итьте женился на трехъ дочеряхъ могущественнаго лѣснаго духа, одна изъ нихъ родила ему сына *pārgäi-ku-orgai tōgi*, или *pārgäi kuorg*^o (медвѣдь-духъ, медвѣжій духъ) и отъ этого сына ведутъ свое начало самоѣды рѣки Кэти. Вотъ

по какой причинѣ они называются *kuorgui-tamdär* (медвѣжье племя), но въ сагѣ, записанной мною, нѣтъ никакихъ комментарій, какимъ образомъ самоѣды производятъ свое происхождение отъ этого медвѣдя, отцомъ котораго былъ Итьте, а матерью дочь духа.

Послѣ всѣхъ пройденныхъ испытаній Итьте былъ уже подготовленъ къ борьбѣ противъ злѣйшаго врага его народа, могущественнаго людоеда сѣвера Пюнегуссе, который былъ такъ великъ, что самыя высокія деревья едва достигали его колѣнъ. Людоѣдъ былъ жестокъ и безпощадно охотился за людьми, которыхъ пожиралъ безъ разбора. Итьте повстрѣчался съ нимъ во время своихъ скитаній, завязалъ съ нимъ знакомство и поселился съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсу. Для того, чтобы ствлечь великана отъ человѣческаго мяса, Итьте добывалъ и предлагалъ ему птицъ, рыбъ, мясо сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ, но Пюнегуссе продолжалъ оставаться людоедомъ. Наконецъ, народъ этой страны сталъ просить Итьте присоединиться къ нимъ, чтобы убить чудовище. Итьте согласился, такъ какъ ему было уже тяжело жить съ Пюнегуссе. И вотъ однажды вечеромъ случилось, что людоедъ былъ боленъ, а Итьте попросилъ его спуститься внизъ къ рѣкѣ, чтобы добыть свѣжей воды. Великанъ не могъ этого сдѣлать и просилъ Итьте снести его на рукахъ внизъ. Итьте согласился, но посоветовалъ Пюнегуссе снять кольчугу и все вооруженіе, такъ какъ въ немъ онъ былъ слишкомъ тяжелъ. Когда Пюнегуссе оставилъ всѣ эти вещи дома, Итьте снесъ его внизъ, къ рѣкѣ, но едва онъ это сдѣлалъ, какъ тотчасъ же, напавъ на него, схватилъ его. Въ то же самое время онъ изъ всѣхъ силъ сзывалъ народъ, который поджидалъ ихъ. Тѣ второпяхъ присоединились къ нему и всѣмъ вмѣстѣ имъ удалось убить людоеда и разрубить его тѣло на части. Но, какъ и многіе другіе могущественные шаманы, Пюнегуссе возсталъ изъ мертвыхъ. Онъ приобрѣлъ новую жизнь и еще новую силу, сдѣлавшись несравненно болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ ранѣе.

Существуетъ слѣдующая интересная легенда объ ихъ послѣдней борьбѣ. Итьте отправился въ лѣсъ, чтобы овладѣть двумя самыми прекрасными дочерьми лѣснаго духа. Итьте удалось это сдѣлать. Онъ схватилъ ихъ и предпринялъ обратное путешествіе домой. Къ несчастію онъ забылъ взять съ собою своихъ *tosila* (духовъ), которые служили ему и предохраняли его отъ всякаго

зла. По дорогѣ онъ повстрѣчалъ Пюнегуссе, который также хотѣлъ овладѣть этими дѣвушками. Великанъ нападаетъ на Итьте ломаетъ у него руку и, крѣпко связавъ, покидаетъ его на берегу его судьбѣ. Самъ же ушелъ, смѣясь, съ дѣвушками, которыхъ засунулъ себѣ въ карманы. Когда Итьте лежалъ раненый и беспомощный на берегу въ ожиданіи смерти, ангелы, хранители его, явились къ нему съ вопросомъ, почему онъ оставилъ ихъ безъ вниманія дома. Итьте объяснилъ, что все это случилось не вслѣдствіе его злого умысла, а просто по забывчивости и обѣщалъ имъ всегда брать ихъ съ собою и въ надлежащихъ случаяхъ просить ихъ о помощи; послѣ того духи освободили Итьте и сдѣлали его годнымъ снова къ битвѣ. Тогда они взяли на себя покончить съ людоедомъ. Послѣ цѣлой серіи сраженій, во время которыхъ хитрость Итьте играла выдающуюся роль, имъ удалось счастливо завершить свое намѣреніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда только грубая сила могла повліять на исходъ борьбы, въ открытомъ бою, Пюнегуссе никогда не могъ быть сраженнымъ, но они хитростью заманили его въ ловушку и предали смерти. Чтобы предупредить для него всякую возможность вновь ожить, какъ это уже раньше случилось, необходимо было совершенно уничтожить его тѣло. Поэтому Итьте срубилъ нѣсколько большихъ деревьевъ, сдѣлалъ изъ нихъ костеръ, развелъ огонь и бросилъ на него тѣло великана, который вскорѣ сгорѣлъ и превратился въ пепель, но въ тлѣющихъ угляхъ челюсти Пюнегуссе все же двигались, скрипя другъ о друга, и былъ слышенъ голосъ, вскричавшій: „вы убили и сожгли меня, но я все же буду продолжать мучить людей: каждое лѣто вѣтеръ будетъ развѣвать мой пепель и пылинки будутъ летать кругомъ людей и сосать ихъ кровь“. Изъ пепла великана каждое лѣто въ Сибири поднимаются тучи комаровъ, которые поистинѣ являются язвою для людей и животныхъ, кровь которыхъ они сосутъ. Въ такомъ видѣ представляютъ себѣ самоѣды великаго людоеда, который въ продолженіе всей своей жизни пожиралъ ихъ цѣликомъ, а послѣ своей смерти продолжаетъ дѣлать ихъ жизнь нестерпимой во время лучшей части года, когда они могли бы наслаждаться тепломъ и солнечнымъ свѣтомъ *).

*) Кромѣ комаровъ, и другія созданія были порождены изъ пепла великана. Самоѣды на рѣкѣ Тымъ маленькую черную птичку называютъ „кусочекъ тѣла Пюнегуссе“. Они думаютъ, что эта птичка родилась изъ кусочковъ сожженного тѣла великаго людоеда.

Послѣ смерти людоеда, „Итьте, обладающій мудростью семи боговъ, Итьте обладатель семи (всѣхъ) странъ“ сталъ править своимъ народомъ. Повсюду царилъ миръ, не было ссоръ, лѣса были полны дичи, а рѣки рыбы; и все же миръ въ концѣ концовъ былъ нарушенъ.

Демонъ съ семью зубами явился къ Итьте и потребовалъ отъ него человѣческаго мяса и другихъ вещей. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Итьте давалъ ему вмѣсто человѣческаго мяса камни, наконецъ демонъ обратился къ другому пришельцу *Kristos*, — который уже къ тому времени появился съ дѣтьми своими, русскими, и *Kristos*, отецъ всѣхъ русскихъ, далъ демону пищу и питье и людей, которыхъ тотъ требовалъ. Когда Итьте увидѣлъ, что *Kristos* и демонъ приобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія, онъ рѣшилъ удалиться изъ земли своего народа. Онъ ушелъ далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать, но отправляясь, онъ сказалъ пріятелю демона *Kristos*: „сегодня вашъ день, завтра будетъ мой“, и когда наступитъ время, Итьте проснется отъ своего сна и вернется, соберетъ вмѣстѣ всѣхъ своихъ разсѣянныхъ по землѣ дѣтей и прогонитъ чужеземцевъ изъ Сибири. Въ настоящее время, когда *Kristos* и демонъ царствуютъ надъ землей, всѣ несчастны, бѣдны, ранѣе же всѣ были богаты и счастливы. Теперь почти нечего ѣсть, а прежде все было въ изобиліи; но Итьте только спитъ, онъ не умеръ и онъ вернется, — и до сихъ поръ самоѣды ожидаютъ появленія „божественнаго принца Итьте, спящаго принца, отдыхающаго принца Итьте“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой эпической поэмы въ томъ наиболѣе полномъ видѣ, въ какомъ его передаютъ самоѣды рѣки Кэти. Прежде чѣмъ кратко разсмотрѣть ее, т. е. оцѣнить ея давность и происхожденіе, я, ради полноты изложенія, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно ея появленія среди племенъ, которыя ближе всего стоятъ къ Кэтскимъ самоѣдамъ и по языку, а нѣкоторые и географически. Какъ уже ранѣе было упомянуто, всѣ остяки-самоѣды, которыхъ я посѣтилъ, знакомы съ дѣйствующими лицами этой поэмы, повсюду они знаютъ нѣкоторые изъ эпизодовъ; но вслѣдствіе недостаточной полноты моихъ изслѣдованій я не могу въ настоящее время съ положительностью утверждать, до какой именно степени они знаютъ ее въ цѣломъ. По вышеизложенному конспекту читатель можетъ использовать матерьялъ, который я до сихъ поръ собралъ.

Населеніе рѣки Чаи, которое географически и лингвистически очень тѣсно связано съ Кэтскими самоѣдами, обладаетъ, какъ и населеніе близъ лежащихъ областей по рѣкѣ Оби, довольно яснымъ представленіемъ этого цикла сагъ и наиболѣе существеннаго изъ его содержанія. Правда, эпизоды съ людоѣдомъ они частью забыли, но герой Идя, какъ здѣсь его зовутъ, а также и его труды на пользу самоѣдскаго народа выдѣляются въ ихъ представленіи тѣмъ яснѣе. Они рассказываютъ о томъ, какъ, Идя вступался и за другія племена. Вкратцѣ привожу этотъ рассказъ, — до такой степени онъ характеристиченъ для этихъ первобытныхъ племенъ.

Когда Итьте все еще жилъ въ тундрѣ со старой женщиной, къ нимъ является татарскій принцъ, князь, проситъ помощи. Въ татарскомъ городѣ былъ голодъ и ни-откуда не было помощи. Поэтому въ своей крайней нуждѣ они обратились къ Итьте, чтобы онъ попытался умилостивить боговъ. Итьте общается имъ сдѣлать, что онъ сможетъ, и въ красивыхъ саняхъ татары его увозятъ въ свою страну. Прибывъ туда онъ вынимаетъ свою арфу и начинаетъ играть на ней, чтобы войти въ сношеніе со всемогущимъ Богомъ. Онъ играетъ и поетъ семь дней непрерывно и все же ему не удается подняться на небо. Тогда онъ бросаетъ свою арфу, ложится на спину и проситъ старую женщину разрѣзать его животъ. Какъ только она это сдѣлала, его пустой желудокъ вылетаетъ къ Богу просить пищи для умирающихъ отъ голода татаръ. Богъ согласился на эту мольбу, и старуха притягиваетъ внизъ желудокъ, все время находившійся въ связи съ кишечникомъ, и укладываетъ все это обратно на свое мѣсто, зашиваетъ животъ и моетъ свои руки. Немедленно лѣса наполняются животными, а рѣки рыбой, и татарскій князь въ знакъ благодарности выдаетъ за Итьте свою дочь, послѣ чего онъ возвращается домой въ свою страну. Здѣсь нѣкоторое время супруги живутъ счастливо, „жена родитъ ему сына и дочь. Мальчика онъ тянетъ къ себѣ какъ бы крючками, дочь онъ прогоняетъ прочь палкой (выдаетъ ее за мужъ)“.

Ниже по Оби и во всей долинѣ рѣки Тыма эти саги обычно хорошо извѣстны. Все же мнѣ не удалось открыть ни одного эпизода, касающагося лѣснаго духа и нашего героя. Не замѣтно и никакихъ элементовъ тотемизма. Довольно интересно, что лѣсной духъ здѣсь зовется *parçä*—должно быть, тѣмъ же самымъ

именемъ, которое въ формѣ *pargüi kuorg'* является именемъ сына Итьте и дочери лѣснаго духа.

На Енисеѣ и его притокахъ Туруханѣ, Баихѣ и на Тазу повсюду извѣстенъ великій Итьте и его борьба съ людоѣдомъ; они такъ же знаютъ и всѣ мельчайшія подробности, какъ напри- мѣръ, его свадьбу съ дочерью лѣснаго духа, но они не считаютъ себя потомствомъ, происходящимъ отъ этого брака. Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что медвѣдь не является ихъ тетемомъ, или прародителемъ ихъ племени. Поскольку я могъ себѣ выяс- нить, имъ не извѣстны сказанія и пѣсни о борьбѣ Итьте съ Христомъ, хотя они все-же разсматриваютъ его, какъ чрезвы- чайно могущественнаго духа-хранителя, какъ это явствуетъ изъ пѣсенъ шамановъ.

Изъ вышеприведеннаго краткаго очерка несомнѣнно чре- звычайно широкое распространеніе и извѣстность этого цикла сагъ среди остяковъ-самоѣдовъ. Конечно, это не является еще несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ древности, общности и оригинальности происхожденія, но все же мы должны имѣть въ виду, что эти бѣдные культурой кочевники Сибири живутъ далеко другъ отъ друга, въ области во много разъ превы- шающей пространствомъ Финляндію, и хотя они насчитываютъ не болѣе 3-хъ тысячъ жителей, они говорятъ на 20-ти различ- ныхъ діалектахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ сильно раз- нящихся, что обладатели ихъ не въ состояніи понимать другъ друга. Такимъ образомъ въ этихъ областяхъ сказанія не могутъ переходить отъ одного племени къ другому такъ быстро, какъ въ другихъ мѣстахъ. Я не имѣю въ виду категорически утвер- ждать, что этотъ циклъ сагъ долженъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ памятникъ тѣхъ временъ, когда всѣ племена жили вмѣстѣ и говорили на одномъ нарѣчїи. Но все же мнѣ кажется несомнѣннымъ, что многое въ этомъ эпосѣ и особенно нѣкото- рые изъ именъ героев весьма дрезняго происхожденія, иначе эти имена, по крайней мѣрѣ въ различныхъ мѣстахъ, приняли бы различныя формы, что является характернымъ относительно груп- пы позаимствованныхъ словъ. Не разсматривая ихъ хотя бы до извѣстной степени оригинальными, трудно обяснить ихъ глубо- кое проникновеніе въ циклъ религіозныхъ идей остяковъ. Срав- ните общее среди нихъ представленіе о героѣ Итьте, его миссіи и значеніи. Припомните сказанія о лѣсномъ духѣ, его имена и

шаманскія пѣсни, въ которыхъ они постоянно повторяются. Такъ напримѣръ: на Верхней Кэти я повстрѣчался съ пѣснею, въ которой имѣется слѣдующая строфа: *tau padarge pargä, Itten id, tau madur padarge pargäi kuarg?* (это мѣдное парго сынъ Итьте, этотъ герой мѣднаго парго медвѣдь). Если такимъ образомъ приходится допустить, что нѣкоторыя изъ этихъ именъ сравнительно первичнаго происхожденія, хотя не удалось объяснить ихъ этимологически *), все же весь циклъ этихъ сагъ самъ по себѣ, быть можетъ, не является твореніемъ болѣе ранней эпохи. Нѣкоторыя саги, и между ними эпизодъ о борьбѣ съ людодѣдами, представляются все же чрезвычайно первобытнаго характера и возможно, что являются основою для всего цикла. Относительно существованія именно этой саги у самоѣдовъ Кастренъ, какъ и другіе, утверждаетъ: „я дѣйствительно нашелъ среди сѣверныхъ самоѣдовъ нѣсколько сказаній, въ которыхъ *Sjudube*—великаны—характеризуются, какъ страшные, жестокіе, свирѣпые людодѣды“ **). Значительное число другихъ эпизодовъ могутъ быть разсматриваемы, да несомнѣнно и являются дополненіями болѣе поздняго періода. Измѣнивъ имена, возможно было приспособить ихъ и вставить между ранѣе уже существовавшими отдѣльными частями этого цикла.

Разсказъ, извѣстный на рѣкѣ Чаѣ и описывающій помощь Итьте татарамъ, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. То же самое приходится сказать и относительно версіи со средней Кэти, въ которой говорится про нашего героя, что онъ убилъ людодѣда потому, что послѣдній перешелъ въ христіанство. Жена же людодѣда и его дѣти убѣжали къ русскимъ и такимъ образомъ спаслись. Несомнѣннымъ придаткомъ къ этому разсказу является эпизодъ о посѣщеніи самымъ могучимъ изъ его дѣтей сыновей героя по ту сторону моря. Здѣсь они пировали семь дней и когда ни тотъ ни другой изъ нихъ не могли напиться пьяными, для нихъ стало ясно, что они принадлежатъ къ той же самой могучей расѣ.

Послѣдній эпизодъ, излагающій борьбу съ христіанствомъ, слѣдуетъ разсматривать также, какъ позднѣйшее добавленіе. Начало естественно не находится съ нимъ въ связи, а почти во всемъ напоминаетъ описаніе отъѣзда и прощанія *Väinä-Möinen*'а въ Калевалѣ. Точно также какъ *Väinä-Möinen* при приближеніи

*) *id'e*, быть можетъ, означаетъ *наукъ*.

***) *Nordische Reisen und Forschungen*, II, 174.

новой эры чувствуетъ себя вынужденнымъ покинуть свою родину и народъ, такъ и Итьте прощается со своимъ племенемъ, послѣ того какъ оно вступило въ конфликтъ съ новыми условіями жизни, созданными пришествіемъ иноземцевъ. Конечно, нѣтъ необходимости разсматривать этотъ рассказъ, какъ позаимствованіе. Скорѣе всего онъ является откликомъ мрачнаго, подавленнаго настроенія, охватывающаго народъ, когда онъ видитъ, что все старое и привычное исчезаетъ въ новыхъ условіяхъ жизни подъ вліяніемъ новаго міра идей. Этотъ эпизодъ саги краснорѣчиво рисуетъ любовь народа къ извѣстнымъ установившимся традиціямъ, существующему порядку, и недовѣріе ко всему, что является новымъ и непривычнымъ. Въ то же самое время онъ является доказательствомъ существованія надежды на возвращеніе старыхъ временъ: ихъ герой и спаситель вновь будетъ съ ними и, подобно Чингисхану монгольской легенды, соберетъ вокругъ себя народъ, прогонитъ чужестранцевъ и возстановитъ старые устои и вѣру предковъ.

Исторія героя, чарующаго животныхъ, несомнѣнно не является оригинальной. Въ данномъ случаѣ, повидимому, мы встрѣчаемся съ мотивомъ Орфея, какъ это имѣетъ мѣсто въ финской Калевалѣ. Но все же чрезвычайно трудно выяснить, какимъ образомъ этотъ мотивъ нашелъ дорогу въ сагу самоѣдовъ. Не только въ данномъ случаѣ, но несомнѣнно и въ другихъ въ настоящее время абсолютно невозможно утверждать, что именно является позаимствованіемъ и что было продуктомъ творческаго воображенія самого народа. Наши познанія о фольклорѣ южныхъ татаръ Сибири чрезвычайно неполны. Все, что мы знаемъ это то, что самоѣды и алтайскіе инородцы имѣли между собою сношенія въ продолженіе столѣтій. Въ этомъ отношеніи тунгусы совершенно не изучены. Нечего и говорить объ остальныхъ самоѣдскихъ племенахъ (*tribes*). Все, что мнѣ извѣстно въ этой области и что можно было бы сравнить съ однимъ изъ эпизодовъ самоѣдскаго эпоса, это отрывокъ саги, который я записалъ весной 1912 года на рѣкѣ Вахъ у остяковъ. Вотъ содержаніе этой саги:

Большая птица, по имени *pütkääl änisäg*, однажды поймала огромную щуку и отдала ее сварить своей сестрѣ; сестра же вмѣсто этого приготовила блюдо изъ внутренностей собаки. Птица въ негодованіи улетѣла и, наконецъ, явилась къ людоѣду

sew'si'ki. Въ его хижинѣ, оказавшейся пустою, птица нашла большую кастрюлю, полную сала. Едва она досыта имъ наѣлась, какъ людоедъ вернулся домой и въ гнѣвѣ приготовился убить птицу. Последняя, обѣщаніемъ отдать за людоеда замужъ свою сестру, добивается свободы. Птица возвращается домой, забывъ весь гнѣвъ по отношенію къ сестрѣ, и придумываетъ, какимъ бы образомъ спасти ее. Они вмѣстѣ крѣпко запираютъ дверь и оставляютъ въ ней только маленькое отверстіе. Людоедъ является за сестрой птицы и влѣзаетъ въ отверстіе, но не можетъ ни пролѣзть въ него, ни освободиться. Тогда птица убиваетъ его большимъ ножомъ и поджигаетъ домъ. Трупъ людоеда, сгорая, превращается въ пепель, но духъ его громкимъ голосомъ возвѣщаетъ, что его пепель будетъ возрождаться каждое лѣто и, подъ видомъ комаровъ, будетъ пожирать мясо людей и сосать ихъ кровь. Таково происхожденіе сибирскихъ комаровъ. Приведенный выше рассказъ чрезвычайно напоминаетъ самоѣдскую версію. Между ними несомнѣнно должна быть извѣстная связь, но въ настоящее время совершенно невозможно сказать—остяки-ли сдѣлали позаимствованія отъ самоѣдовъ, или наоборотъ. Быть можетъ, оба варианта происходятъ отъ одного и того же источника. Но независимо отъ вопроса, поскольку тѣ или другіе элементы въ этомъ обширномъ циклѣ являются позднѣйшими добавленіями, или позаимствованіями, онъ имѣетъ значительную цѣнность, какъ законченный продуктъ поэзіи самоѣдовъ, столь бѣдной въ другихъ отношеніяхъ.

Всѣ народы, находящіеся на стадіи первобытной культуры, создавали легенды, въ которыхъ находили выраженіе ихъ философія и настроеніе. Но формы бываютъ различны, и эта эпическая поэма носитъ характерную печать самоѣдскаго творчества: стоитъ только припомнить заключающійся въ ней тотемическій элементъ, дающій прекрасную иллюстрацію къ до сихъ поръ неизвѣстнымъ и не изученнымъ религіознымъ представленіямъ самоѣдовъ. Чрезвычайно отрадно сознавать, что племя кочевниковъ, живущее въ ужасныхъ условіяхъ, вымирающее, все же было способно создать такой сравнительно связный кругъ представлений, стремящійся къ идеализаціи и замѣтно отличающійся отъ обыкновенной саги. И для того, кто, какъ авторъ этихъ строкъ, жилъ съ этимъ народомъ, слышалъ ихъ пѣсни о подвигахъ ихъ героя, ихъ рассказы о тяжелыхъ временахъ приниже-

нія ихъ расы, слышалъ ихъ полные затаенной надежды вопро-
сы— „не слышно-ли чего-нибудь о возвращеніи Итьте?“— для того,
повторяю, становится яснымъ, что эта эпическая поэма является
точнымъ выраженіемъ ихъ думъ, настроеній, мечтаній и что для
нихъ живая реальность весь этотъ созданный ихъ воображеніемъ
міръ, который хотѣлось бы назвать самоѣдской національной
эпопеей.

nem

